

***

Соберутся иерей с причтом,
Кто-то станет голосить громко –
Обо мне пойдёт молва-притча,
Мол, убита наповал громом.
Мол, как треснет пополам туча,
Да как рыком закладёт уши –
По всему видать, грехов куча...
А мне басни недосуг слушать –
Кто судил меня «судом Линча»,
Тот и дома у меня не был –
Я на пряничном коне нынче
Уезжаю напрямиком в небо.
Пусть дорожка пролегла криво,
Но теперь я в стременах крепко.
Земляником отдаёт грива
И иным ещё, слегка терпким.
Нет коню тому цены-платы,
И ступает он, живой, строгий –

Что ни шаг, то серебро-злато,
И не вязнут в облаках ноги.
А под нами – желтизна – донник,
Ясно светятся поля рожью.
Поспешай, скачи, скачи, коник –
Колесницу догоняй Божью!

***

Ты знаешь, конечно, о том, что смертельно уставший
И жутко больной никогда не становится в позу...
Однажды, наверно, я стану мудрее и старше,
Наш спор безрассудный закончится в Божию пользу.

Не тем мы страдаем по жизни, не тем себя лечим...
В душе обнажённой расплатится Божья сиротка,
И с радостной болью признаю, что крыть уже нечем,
И руки по швам опущу утомлённо и кротко.

Великое чудо – ещё улыбаются с неба,
В которое, верю, смотрела всегда без лукавства;
И хлопья пушистые белого-белого снега
Падут на лицо моё самым желанным лекарством.

Июль

Где-то радуга в ручье тонет –
А в ином у нас тонуть не в чем;
И земля гудит-поёт-стонет,
И кузнечик под окном певчий
Так старается один, будто
Колесницы из-за гор мчатся.
Юный месяц пеленой спутан,
Ждёт, родимый, своего часа,
О свободе вышины молит –
Упованью дураков учит.

И несут в себе грозу молний
Кучевые облака-тучи.
А над тучами – просвет ясный
Улыбается тебе лично;
И в просвете том парит ястреб,
За собой взлететь зовёт-кличет,
Всё бледней, бледней его точка.
В тёмном небе полыхнёт-ухнет –
Зарождается строка-строчка,
Летним ливнем в пыль дорог рухнет.
И покатится поток пенный,
Напоит простор живой влагой,
Да разбрызгает стихи-песни –
Станут люди их читать-плакать.

Радость

Растворился огонь в предночном часе,
Вижу отблеск живой Твоего града.
Чем воздать я смогла бы – прими, Спасе
В благодарность мою и хвалу радость:
О всполохах зарниц, что грядут ночью,
Озаряя своим торжеством север;
Что ромашки растянутся в срок точно,
Что качнётся под грузным шмелём клевер;
О стальных облаках, где парит коршун,
Распластав величаво крестом крылья.
Пусть становится день ото дня горше,
И трясёт надо мною полынь пылью;
Скоро осень забрызгает лес краской,
И седая зима не пройдёт мимо –
Всё творенье стремится ко мне с лаской,
Потому что ношу я Твоё имя.

Потерпи обо мне

В благодатном саду расцвели благодатные вишни;
Горевой пустоцвет, что Тебе я на это скажу? –
Потерпи обо мне, не секи меня, Боже Всевышний,
Может статься, и я этим летом на что-то сгожусь.
Ты воззри на меня: я раба-чужестранца покорней –
Потрепало изрядно челнок мой житейской волной.
Только Сам окопай эти жалкие, голые корни,
Только Сам Ты удобри участок земли подо мной.
И когда в другой раз Ты меня у дороги приветишь –
От обилия ягод склонюсь у всецедрой руки
И Тебе одному протяну я тяжёлые ветви.
Потерпи обо мне и покуда меня не секи.

Вишни

Предоставил октябрь денёк лишний:
Это надо же так – без дождя утро!
Я сажаю на заднем дворе вишни –
В сорок лет начинается жизнь будто.
Надо мной, завывая, гудит ветер;
Слабый кустик дрожит в наготе Ноя.
И никто не ответит на всём свете,
Отчего так тревожно в груди ноет.
Средь житейских невзгод и земных тягот
Ты тянись, принимайся, росток малый –
Я хочу, чтоб однажды твоих ягод
Непременно набрали отец с мамой;
Чтобы жить им на этой земле долго
Даровал милосердно Господь Вышний.
В сорок лет начинается жизнь только –
Я сажаю на заднем дворе вишни.

***

Как душа оказалась мертвее лежащих в гробу?
И не впрок ей ни чудо, ни радости Богоявления.
Говорю я: зачем посещаешь худую рабу?
Чтоб острее потом ощутить мне тоску оставленья?
Бесконечные дни всё идут и идут чередой:
Снова вечер и утро, в привычной молитвенной позе
Ничего не прошу – упиваюсь своею бедой,
Только эта беда не зовётся печалью по Бозе.
Так и пью эту боль, как несчастный пропойца с горла.
Кто теперь мне подаст избавленье, как высшее благо,
Если бедной голубкой в смертельных объятьях орла
Впало сердце моё в руки страшные Бога Живаго?

***

Октябрь, и лес как будто поредел,
Но сердце радо тихому раздолью.
О Боже, если есть скорбям предел,
И точно плачешь Ты над нашей болью...
Здесь, на планете, проклятой навек,
Оставленный на горестные муки,
Приходит ли, уходит человек,
А принимают нас земные руки.
Настанет час, померкнет слава дня,
Вздохнёт природа в траурном убранстве,
Позволь тому, что будет от меня,
Не затеряться в сумрачном пространстве.
Пусть где-то там, в сиянии луны
Протянут руки бережно, радушно
И, развернув тугие пелены,
Прижмут к груди мою живую душу.

***

Пусть за резным окном также цветёт сирень,
Машет вишнёвый сад белым своим крылом.
Господи, сотвори в Твой Невечерний День
Нашей большой родне сесть за одним столом.

Внуки моих детей, предки моих дедов –
Пусть за трапезой той всякий найдёт приют.
Буду идти, идти меж дорогих рядов,
Буду смотреть, смотреть, слушать, о чём поют.

Пусть надо мной рука время совьёт в кольцо,
Канет в небытие смерти слепой оскал.
Станет так просто вдруг каждого знать в лицо,
С каждым найти слова, с каждым поднять бокал.

Всех вековых обид память сгорит дотла.
Нечего мне просить, только скажу – изволь,
Боже, остаться здесь, сесть во главе стола
И разделить-поесть с нами Твои хлеб-соль.